

УДК 81'42

DOI 10.26456/vtfilol/2022.4.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ПСЕВДОНАУЧНОГО ДИСКУРСА В ПУБЛИЧНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ РИТОРИКЕ

О.А. Гусева

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Статья освещает приемы, заимствованные религиозным дискурсом из сферы псевдонаучного дискурса: используя их, агент религиозного дискурса усиливает воздействующий потенциал проповеди за счет нивелирования в клиенте дискурса установки на рациональное сомнение. Также в статье рассматриваются способы достижения онтологизации адресатом знания, нужного для агента дискурса.

Ключевые слова: псевдонаучный дискурс, религиозный дискурс, дискурсивные средства воздействия.

Как известно, социальные институты и все прочие структурно оформленные общности, средствами дискурса транслирующие различные образы, идеи, понятия и принципы, с неизбежностью выступают источниками формирования картины мира, которая интериоризируется внешними по отношению к этим общностям и институтам людьми, зачастую, помимо воли последних. При этом специфика дискурсов влияния такова, что они могут использовать заимствованные средства для потенцирования воздействия на свою целевую аудиторию, и происходит это чаще всего незаметно для самой целевой аудитории, поскольку транспортирование осуществляется из тех сегментов, в которых разные и различные дискурсы влияния имеют много точек соприкосновения.

В этом смысле интерес представляет псевдонаучный дискурс, привлекательность которого во многом обусловлена сочетанием общественного доверия к науке как к методу познания в целом, с одной стороны, и нелюбви к официальной науке, которая пользуется подчас излишне сложными для понимания обывателя инструментами исследования, с другой.

Псевдонаучный дискурс (его формы обсуждаются, в частности, в: [6: 130–148]) следует отличать от научно-популярного и научно-просветительского как вариантов научного дискурса. Псевдонаучный дискурс существует за счет мимикрии под прототипические формы научного дискурса. Мимикрия осуществляется, прежде всего, на формальном уровне организации дискурса, через использование характерных для научного дискурса дискурсивных маркеров, что внушает некритически настроенной аудитории представление о соответствии псевдонаучного текста тем требованиям, которые предъявляются к качественным текстам научным,

как то: смысловая точность (однозначность), объективность и аргументированность изложения, верифицируемость, ссылки на источники, оперирование подтвержденными данными, достаточно развернуто изложенная фактологическая основа, признание отсутствия монополии на истину и т.д. [7: 7–10]. В среднем общество все еще склонно относиться с доверием к тому, что исходит из научных кругов, поэтому представителям псевдонаучного дискурса принципиально необходимо, чтобы целевая аудитория распознала в тексте маркеры научного изложения и осуществила их ошибочную атрибуцию, и это позволило бы авторам псевдонаучных построений рассчитывать на снижено критичное восприятие их текстов.

Вместе с тем, мимикрируя под научный дискурс, дискурс псевдонаучный видоизменяет, переосмысливает и его базовые дискурсивные маркеры.

Так, в псевдонаучном дискурсе наблюдается радикализация высказываний; их категоричность придает псевдонаучным текстам определенную пассионарность, делающую их более увлекательными, что вполне отвечает запросу целевой аудитории, ориентированной на получение однозначных ответов на сложные вопросы без необходимости иметь фундаментальные знания. Псевдонаучный дискурс, в отличие от научного, не приглашает аудиторию к дискуссии, в нем представлено недиалектическое рассмотрение вопроса.

Свойственная научным текстам эмоциональная нейтральность сменяется высоким уровнем экспрессивности, поскольку псевдонаучный дискурс стремится оказать впечатление на аудиторию и воздействует на нее зачастую не апелляцией к рациональному, а аффективными речевыми действиями.

Главное: то, что работает за счет схожести с институциональным научным дискурсом, служит не столько инструментом выявления объективной истины, столько инструментом осуществления идеологической мобилизации целевой группы. Соответственно, согласно концепции, выдвинутой еще П. Бурдьё, предлагаемая идея становится форс-идеей благодаря силе, которую она проявляет в процессе навязывания в качестве принципа видения [11: 125–126].

Этот манипулятивный потенциал псевдонаучного дискурса, реализуемый посредством ряда разноуровневых средств, обусловил транспонирование привычных для него приемов построения сообщения в типы дискурса, для которых также важную роль играет воздействие на адресата. Так, признаки псевдонаучности были неоднократно замечены в религиозном дискурсе (в данном случае речь идет о православии) – от публицистики до гомилетических текстов.

По сути, обнаруживаемая динамика демонстрирует феномен двойного превращения формы: псевдонаучный дискурс мимикрирует

под научный, религиозный же дискурс пользуется манипулятивным потенциалом псевдонаучного дискурса для решения своих задач.

В последние десятилетия сформировался общественный запрос на то, чтобы Церковь публично высказывалась по актуальным проблемам не только духовной жизни, но и по вопросам научным, общественно-политическим, историческим, требующим специального знания для компетентной оценки. При этом чаще всего агенты религиозного дискурса, привлекая внешние данные, ориентируются в их выборе не на принципы научной точности и непредвзятости, а на их соответствие определенным предзаданным установкам. В итоге складывается ситуация, когда Церковь с позиций своего авторитета настойчиво транслирует свое видение ситуации, основываясь на фактически ложных данных, прививая пастве пристрастное эмоциональное отношение к предметам рассмотрения, которые касаются историко-социальных реалий. Данная практика является небезобидной, поскольку результируется в том, что подаваемый в таком дискурсивном ключе феномен становится так называемым социальным фактом, вытесняющим из сознания клиента религиозного дискурса факты реальные.

Социальный факт не эквивалентен факту в научном его понимании, он может быть в большей или меньшей степени далек от реальности, однако за счет тиражирования и включения в регулярно воспроизводимые нарративы он становится тем, что в обыденном сознании имеет большую силу, чем факт как таковой, потому что транслируется не изолированно, а совместно с моделью интерпретации, и имеет определенную эмоциональную нагруженность. Генерируемые псевдонаучным дискурсом искажения при наличии совпадения с ожиданиями массовой аудитории приобретают статус социального факта, который начинает активно участвовать в формировании мифологического поля группы, дополняясь деталями (чаще всего за счет драматизирующих элементов) и входя в большее количество контекстов. Социальному факту сложно что-либо противопоставить, поскольку он существует как априорное знание, а собственно фактологического содержания в нем не много; он, по сути, является форс-идеей, поэтому простым сопоставлением с тем, что можно считать научным фактом, инерцию его воздействия на носителя нивелировать сложно.

В качестве примера последовательной интеграции приемов псевдонаучного дискурса в религиозную публичную риторику рассмотрим проповедь, произнесенную в Козельской епархии в честь незадолго до этого установленной Священным Синодом РПЦ памятной даты – дня поминовения православных христиан, «безвинно богоборцами убиенных» (полный текст проповеди <https://kozelsk-eparhia.ru/archives/115742>). Данная проповедь отличается от классических гомилетических построений в рамках прототипичного жанра тем, что как по содержанию, так и по сти-

листике напоминает скорее доклад на конференции, чем назидание в основах вероучения и личного благочестия, при этом она остается именно в границах дискурса влияния, а не переходит в разряд научно-просветительского сообщения. Проповедь содержит несколько заимствований из заметки публициста Егора Холмогорова «Большой сталинский террор как геноцид русского народа», причем цитирование со ссылкой на автора дается только в конце, в то время как на самом деле заимствовано с перифразом несколько фрагментов. Для справки: Е. Холмогоров не является историком и даже не имеет законченного высшего образования, однако в силу созвучности его идей определенному крылу политического спектра, куда относятся и многие православные, он считается здесь авторитетом.

Вкратце охарактеризуем некоторые моменты, в которых проповедник пользуется средствами, транспонированными из псевдонаучного дискурса, а затем обратимся к тексту проповеди за иллюстрациями.

1) Основой для введения адресата в заблуждение служит подражание дискурсивным особенностям научной коммуникации, использование соответствующих дискурсивных маркеров, в связи с чем формируется предрасположенность аудитории к предлагаемой информации.

2) Озвучивая свою позицию, представители псевдонауки пытаются модифицировать ее методологический инструментарий, подменяя аналитику обсуждаемого факта выкладками морально-этического толка, что значительно ограничивает возможности рационального, критического обсуждения вопроса.

3) В псевдонаучном дискурсе значительная часть высказываний, содержащих спорную информацию, помещена в эмоционально-окрашенный контекст. Целью аффективного воздействия также является блокировка способности адресата к критическому рассмотрению вопроса – эмоции не рационализируются. Кроме того, яркость и живость высказывания делают информацию более конкретной и личной. Наконец, яркое эмоциональное представление способно сделать материал более запоминающимся. Это особенно важно, если от адресата требуется не прийти к немедленному заключению, а опираться в более поздних суждениях на информацию, которая первой приходит на ум. Запоминается и воздействует на когнитивные процессы, прежде всего, то, что вызвало впечатление, в то время как информация, не подкрепленная аффективной реакцией, быстро вытесняется [1: 190].

4) Мимикрия под научный дискурс осуществляется, в частности, при помощи специфического оперирования терминами: они присутствуют в тексте, однако используются не терминологически, чаще всего в выгодном для агента дискурса ключе (в данном случае термины «кулак», «геноцид», «гражданская война»).

5) В псевдонаучном публичном дискурсе (впрочем, как и в современной гомилетике) распространенным приемом управления пониманием является утверждение как особый тип коммуникативного намерения и как модальность. Особенностью утверждения является то, что в сознании адресата оно соотносится с объективностью внедискурсивной реальности, а не с субъективностью автора высказывания [2: 22–26].

6) Выбор единицы измерения как инструмент речевого воздействия актуализирует в сознании адресата представления, связанные с выбранной единицей, в нашем случае абстракции «миллионы», «сотни тысяч», а также с виду точные цифры, взятые, тем не менее, из заведомо сомнительных источников.

7) Используется специфический выбор средств номинации, индуцирующий восприятие именуемых объектов в положительном или отрицательном ключе.

8) Введение в отрицательно оцениваемый контекст или ассоциативный ряд: в данном случае, «советизмы» или формулировки, напоминающие о советском прошлом, автоматически окрашивают связанные с данными формулировками действия в черные тона, вне зависимости от сущности объекта рассмотрения.

9) Оперирование мифологемами: мифологема актуализирует ценностные и стереотипические аспекты восприятия, купируя фактологическую составляющую, связанную с объектом. Таким образом, информация, поставленная в непосредственной близости от данной мифологемы, воспринимается в контексте мифологемы.

10) Прием концентрированного повторения информации при условии доверия или интереса к автору также способствует успешной онтологизации знания (превращение социального факта в факт действительности – естественно, только в сознании адресата), в рассматриваемой проповеди примером могут служить слова «террор», «жертва», связка «(простой) крестьянин – кулак», «геноцид».

Дополнительным фактором, снижающим критичность восприятия текста, в данном случае, является специфический хронотоп: проповедь произносится в храме, с амвона, где располагается только облеченный правом наставлять, в непосредственной связи с главным типом богослужения христиан – литургией.

Первое же предложение проповеди после вводной части изобилует приемами, распространенными в псевдонаучном дискурсе – патетичность, вольное обращение с цифрами, еще более вольное обращение с фактами, поданными в той форме, которая будет создавать образ, но не будет давать представления. Подчеркнем, что мы не даем оценок событиям 1930х гг. и не отстаиваем ничьей позиции, тем не менее, нельзя не отметить, что автор проповеди выбрал именно ту информацию, которая опровергается официальной наукой, однако хорошо укладывается в принятую Церковью концепцию.

Приводим фрагменты проповеди с аналитическим комментарием.

1. *«Мы не имеем права забыть о миллионах жертв официально провозглашенного большевиками красного террора: отравленных боевыми газами тысяч тамбовских крестьян с женами и детьми, о 120.000 расстрелянных в 1921 г. русских людей в Крыму, миллионы умерших в 1932-1933 гг. крестьян по причине искусственно созданного голода».*

Здесь мы наблюдаем:

а) знак интеграции в виде инклюзивного «мы» и фактически эмоциональный призыв;

б) словосочетание «миллионы жертв» – это абстракция, которая неискушенным слушателем ощущается как бесконечное множество и не превращается в вопрос о точном количестве этих миллионов: с гуманистической точки зрения важна каждая жизнь, однако если оратор берет на себя смелость докладывать о событиях как о факте реальности, уточнение играет принципиальную роль;

в) упоминание женщин и детей в качестве жертв призвано воздействовать на эмоциональную сферу слушателей, с одной стороны, с другой – рисовать большевиков безжалостными уничтожителями тех, кто не представляет для них угрозы. При этом информация об отравлении тамбовских крестьян газами не соответствует действительности. Газобаллонные и химические снаряды использовали как красные, так и белые, но в подавлении тамбовского мятежа снаряды не имели эффекта, поскольку применялись на открытой местности и не в том количестве, чтобы создать нужную для поражения концентрацию яда – жертв не было обнаружено даже в непосредственной близости от места детонации снарядов. Вблизи от мирного населения снаряды не применялись, боеучасткам предписывалось заблаговременно предупредить местное население о возможной опасности (ср. с децимацией, проводимой при подавлении тасеевского восстания по приказу А.В. Колчака). В результате единственной операции, в ходе которой заранее планировался газовый обстрел (очистка Паревского леса) не пострадали ни повстанцы, ни обнаруженные на месте стоянки скрывшихся повстанцев лошади [3].

г) «120.000 расстрелянных» и «1921 год» – конкретные даты и цифры, однако вероятность того, что аудитория их запомнит и станет проверять, мала. Слова епископов вообще не принято проверять. Эти цифры создают иллюзию точности высказывания, а названное количество своим масштабом рисует в воображении адресата размах большевистского беспредела. Иными словами, получатель сообщения не запомнит, сколько именно человек пострадало, равно как не станет и уточнять происхождение цифры, но он запомнит, что погибло чудовищно много людей. Тем не менее, источник цифры небезынтересен – это данные писателя И.С. Шмелева и, отчасти, белоэмигранта С.П. Мельгунова (он

называл цифры до 150.000, не имея доступа к данным и ссылаясь на сомнительные источники [9: 66]), которые рекуррентно воспроизводились в постперестроечной публицистике. Для официальной исторической науки точное количество жертв остается дискуссионным вопросом по сей день, однако даже имеющийся разброс цифр находится в промежутке, который в 3-4 раза меньше того, что указано в проповеди. Дата проведения репрессий в проповеди также ошибочна, поскольку период красного террора в регионе приходился на 1920-22 гг., причем с лета 1921 г. количество расстрелов значительно снизилось за счет повышения контроля над проводимыми мерами, в то время как автор проповеди утверждает, что указанная цифра расстрелянных относится именно к 1921 году.

д) Некорректный подсчет жертв массового голода давно является объектом спора псевдонаучных пропагандистов с историками. Ни в коем случае не отрицая сам факт голода 1932–33 гг., необходимо отметить, что в данном тексте он подается изолированно, как самодостаточный феномен, однако голод в крестьянской среде не является феноменом исключительно советского периода, поэтому данный голод должен рассматриваться так же и в контексте прецедентов. В Российской империи массовый голод случался с определенной периодичностью; так, за XVIII век зафиксированы 34 периода голода, а голод 1891–92 в определенном смысле можно сравнить с 1932–33; имеющиеся данные свидетельствуют, что прирост смертности в период того голода составил примерно 1,5 млн. человек, а в общей сложности голодало порядка 36 млн. человек [8: 176–181]. Кроме того, необходимо обратить внимание на конструкцию «искусственно созданного голода»: в официальной исторической науке подобная конструкция также используется, означая, однако, комплекс причин от ошибок в проведении коллективизации и продразверстки до неблагоприятной ситуации с урожаем; в данном же случае конструкция, будучи поставлена в определенный смысловой ряд с отрицательными коннотациями, для слушателя будет скорее означать целенаправленное злонамеренное создание условий массовой гибели граждан.

2. *«В результате приказа НКВД 1937 г. №00447 началась самая страшная, кровавая и малоизвестная для широкой публики страница большого сталинского террора».*

Здесь мы видим использование оценочной лексики в качестве приема драматизации, чем также злоупотребляет псевдонаучный дискурс. Кроме того, устанавливается связь террора с именем И.В. Сталина, личность которого достаточно демонизирована мейнстримной православной средой, что придает формулировке еще более зловещий характер.

3. *«Расстрельные лимиты быстро вычерпывались, и снизу летели в Москву запросы на их повышение, которые охотно удовлетворялись Сталиным, который писал резолюции: «за повышение лимита», своей щедрой рукой*

добавляя еще тысячи.... В 1992 году по данным начальника отдела регистрации и архивных форм МБРФ за 1917–90 гг. имеются данные о 827.995 приговоренных к ВМН за государственные и аналогичные преступления».

Осуществляется дальнейшее использование мифологемы-антропонима «Сталин» в рамках демонизации, также используется оценочная лексика. Приводимые автором конкретные цифры и архивный официальный источник призваны сигнализировать слушателям о якобы фактической фундированности утверждений. При этом сначала речь идет о репрессиях 1937 г., а затем приводятся данные по периоду с 1917 г. по 1990 г., что дает заведомо более внушительную цифру, однако восприниматься слушателем она будет именно в контексте репрессий 1937 г., так драматично описанных ранее. При этом, несмотря на достаточно хорошее документирование периода 1937–38 гг., полных списков репрессированных нет до сих пор. Отметим также, что даже в тексте Е. Холмогорова указано увеличение лимита на 1 тысячу, а не на тысячи, причем расширение лимита приписывается первым месяцам, а не всему периоду; у автора же проповеди формулировка *«добавляя еще тысячи»*, показывает действие как повторяющееся, а не разовое.

4. «Именно эти группы – дворянство, духовенство, офицерство, чиновничество, профессура, казачество, крестьянство (так наз. кулачество) – подлежали поголовному уничтожению, по сути, геноциду, как это было провозглашено в первых же декларациях красного террора».

а) Список пострадавших категорий в каждом предложении проповеди разный и он только расширяется, представляя в данном случае картину уничтожения больше половины страны. Также здесь снова наблюдается характерное для псевдонаучного дискурса специфическое обращение с терминами. Слово «геноцид» в разговоре о социально-политических процессах должен иметь терминологический характер, а не являться способом образно описать некие зверства (см. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г). Геноцид целью действий большевиков не был, и в качестве такового не провозглашался, однако оратор напрямую указывает на некие «первые декларации». Не назван конкретный документ и формулировка в документе, тем не менее, дается отсылка, призванная убедить слушателей в том, что утверждение не голословно.

б) Слово «кулак», «кулачество» – это также термин, причем его содержание заметно отличается от расхожего понимания. В консервативных кругах данное слово имеет строго положительные коннотации и обычно употребляется для описания лучших представителей крестьянства. Неправомерность уравнивания крестьянина и кулака заключается в том, что к признакам кулачества относятся эксплуатация наёмного труда, сдача в наем средств производства или помещений, ростовщичество и

наличие нетрудовых доходов. Данные критерии отнесения крестьянского хозяйства к кулацкому были законодательно определены и зафиксированы в постановлении СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде» (21.05.1929 г.) [9:99].

Отношение в самой крестьянской среде к кулакам в Российской империи было так же далеко от представлений современной консервативной общественности, пробавляющейся мифологическими нарративами ангажированных исследователей и публицистов. В качестве небольшой иллюстрации можно процитировать А.Н. Энгельгардта: «Всё у кулака держится не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздаёт в долг под проценты. Его кумир деньги, о приумножении которых он только и думает» [12:521–522]. А.С. Ермолов, директор неокладных сборов Министерства финансов в 1883–1892 гг., анализируя причины бедственного состояния крестьянства, посвятил феномену кулачества целый раздел «Пагубное влияние развития ростовщичества и кулачества в сельском быту», где дал ему резко отрицательную оценку [4: 179–190]. П.А. Столыпин также считал роль кулаков в крестьянской общине негативной, о чем сообщал в отчете императора (см. «Всепопданнейший отчет саратовского губернатора за 1904 год»).

Относительно якобы задекларированного в первых же документах большевиков курса на уничтожение кулачества можно привести Постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (30.01.1930 г.), согласно которому кулаки делились на 3 категории в зависимости от степени вовлечения в контрреволюционную деятельность (а отнюдь не по признаку благосостояния или эффективности хозяйствования). Аресту и рассмотрению дела спецтройками подлежали только главы семей кулаков 1 категории. Кулацкая ссылка по условиям содержания была таковой, что бегство из трудовых поселков приобрело массовый характер. Приводя архивные данные (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 15; Д. 54. Л. 7.), В.Н. Земсков дает цифру в 629 042 человека, бежавших из ссылки только в период 1932–1940 гг.[5].

Таким образом, вопрос о физическом уничтожении не стоял, под ликвидацией понимали устранение как социально-имущественного класса, т.е. целью являлось изъятие кулаков из налаженных связей и лишение их возможности свободно продолжать привычные им практики.

5. *«По верному выражению историка Егора Холмогорова «Жертвы среди простых крестьян – самые массовые жертвы сталинского террора. Именно эта операция придаёт всей репрессивной политике большевиков неустранимый признак геноцида русского народа. Ни все вместе, ни каждый по отдельности они не должны быть забыты».*

Всесоюзная перепись населения 1959 года показала, что население СССР составляло большее количество человек, чем до Великой Отечественной войны, что напрямую противоречит заявлениям о геноциде. Кроме того,

говорить о геноциде именно русского народа в многонациональном государстве, как минимум, некорректно, но опять же все это соотносится с преференциальными смыслами целевой аудитории и удачно сочетается с мифологемой «Сталин». Примечательно, что Е. Холмогоров напрямую называется историком, хотя таковым не является; однако подобное уточнение к его фамилии придаст веса его словам даже для тех, кто с личностью данного публициста незнаком.

Судя по подаче материала, проповедь имеет посыл не просто «не забудем», а «не забудем – не простим», поскольку основное внимание уделялось не духовному подвигу и страданиям за веру, а жестокости, произволу и классовой ненависти большевиков. Фактический итог проповеди – призыв не столько помнить и чтить безвинные страдания, сколько вспоминать эти страдания неотрывно от той картины социально-политической ситуации, которую нарисовал проповедник, с предложенным объяснением мотивированности действий участников. Таким образом, проповедь, как и псевдонаучный дискурс, снабжает аудиторию не только фактами, но и инструментом их интерпретации (то есть социальными фактами) с заметным ограничением векторов этой интерпретации, в связи с чем слушатель оказывается в плену навязанного ему нарратива.

Не будучи специалистом в области истории, проповедник может добросовестно заблуждаться и в этом смысле являться такой же жертвой псевдонаучного дискурса, как и другие члены его целевой аудитории, однако обширное заимствование у псевдонаучного дискурса приемов управления восприятием демонстрирует то, что дискурсы влияния, находясь на тематически чуждой для них почве, не готовы отказываться от привычной для них установки на осуществление риторического воздействия на целевую аудиторию, призванного модифицировать те исходные позиции, отталкиваясь от которых человек оценивает все проявления действительности, и для этого успешно заимствуют не только тематический фрагмент смежных дискурсов, но и традиционные для данных дискурсов средства.

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов. URL: <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/117503/>
4. Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1892. С.179–190.
5. Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. URL: <https://massolit.site/book/stalin-i-narod-pochemu-ne-bilo-voostaniya/reading>

6. Казаков М.А. Псевдонаука как превращенная форма научного знания: теоретический анализ // *Философия науки и техники. Научно-теоретический журнал*. 2016. Т. 21. № 2. С. 130–148.
7. Карасик В.И. О типах дискурса. // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* // Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
8. Кондрашкин В.В. Голод 1932 – 1933 годов в деревнях Поволжья // «Вопросы истории», № 6, 1991. С. 176–181.
9. Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М.: СП «РУСО», «P.S.», 1990. С. 66.
10. Солонов А. Кого считали кулаком в 1924–25 годах // *Трудные вопросы истории: Поиск. Размышления. Новый взгляд на события и факты*. М., 1991. С. 99.
11. Социоанализ Пьера Бурдьё // *Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук*. М.: 2001. С. 118–133.
12. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. 1872–1887 гг. М., 1987. С. 521–522.

Об авторе:

ГУСЕВА Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, e-mail: goal_post@mail.ru

THE USE OF PSEUDOSCIENTIFIC DISCOURSE TECHNIQUES IN PUBLIC RELIGIOUS RHETORIC

O.A.Guseva

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article highlights the techniques borrowed by religious discourse from pseudoscientific discourse in order to strengthen its influencing potential by leveling the addressee's mindset on rational doubt when discussing scientific issues through inducing a conventional reaction in the form of non-critical perception of the statement.

Keywords: *pseudoscientific discourse, religious discourse, discursive means of influence.*

About author:

GUSEVA Olga Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, e-mail: goal_post@mail.ru

© Гусева О.А., 2022